

МАГИЯ ВЫСОКОГО ИСКУССТВА

Клаус БРИЛЬ

«ЗЮДДОЙЧЕ ЦАЙТУНГ»,
МЮНХЕН.

КАЖДЫЙ год 7 декабря в Милане происходит важное событие: оперный театр «Ла Скала» открывает сезон. Маэстро Мути последний раз взмахивает дирижерской палочкой, несколько секунд магической тишины, и зал взрывается аплодисментами. При этом всегда присутствует Джермано Стракка. На нем черная пажеская одежда с блестящими пуговицами, взбитый придворный парик, белые перчатки. Скрытый от публики, он стоит за тяжелыми складками занавеса. Как и его коллега Джузеппе Серафино, который находится на другом конце сцены, он открывает свою половину занавеса, и певцы по возникшему узкому коридору устремляются навстречу греющим овациям. Аплодисменты, как полагает Джермано Стракка, относятся в какой-то мере и к нему. «Я чувствую, — признается он, — что тоже являюсь частью представления». Всего три шага отделяют Джермано от сцены, которая дарит блеск и славу. И работает он не просто в старом коричневом здании в деловой части Милана, а в храме высокого искусства.

Обычай имеют в жизни народов свой вес. Традиционная ежегодная премьера в миланском оперном театре превращается еще и в национальное событие. На нее приходят все — и богатые, и красивые, и могущественные, и простые смертные. Газеты выпускают специальные приложения, посвященные новой постановке. Тележурналисты, надев смокинги, ведут прямые трансляции из зала. А когда в 1992 году Лучано Паваротти не взял высокую ноту, его промах стал сенсацией, затмившей сообщения о мафиозных покушениях, смене правительства и скандалах, связанных с коррупцией.

Хоть раз, но побывать в «Ла Скала» надо. Постоять в очереди, чтобы получить место. Увидеть Мути за дирижерским пультом. А еще лучше — назваться репортером и целую неделю побродить по театру. Заглянуть за кулисы, пройтись по сцене, где певица в клетчатых брюках следит за режиссерскими жестами, а рабочие волокут огромные части декораций. Бросить взгляд на танцевальный зал, заблудившись в сложных переходах, протиснуться мимо футляров с контрабасами. Вместе со столяром Франко Ротондо пробраться в подвал к бакам с водой и пожарным насосам. С Джермано Стракка постоять в каморке «пажей занавеса», разглядывая театральные афиши всех времен. В общем, вочию увидеть легенду, которая называется «Ла Скала».

Даже происхождение названия театра необычно. Пусть слово «скала» переводится как лестница, но не в честь банального архитектурного сооружения был назван этот храм искусства. В 1776 году в Милане сгорел существовавший в ту пору герцогский театр. Власти отвели для строительства нового здания место, на котором находилась развалины церкви Санта-Мария делла Скала. Уже через два года, когда состоялось торжественное открытие нового здания, в народе оно получило название «Ла Скала». На родине оперы это имя стало сияющей звездой национальной истории. Здесь работали не только примадонны, певцы и дирижеры высшего класса, но и такие композиторы, как Винченцо Беллини, Гаэтано Доницетти, Джакомо Пуччини. А бессмертный Джузеппе Верди, выдержав тяжелые удары судьбы, наконец добился триумфа, когда здесь впервые 9 марта 1842 года поставили его оперу «Набукко».

«Прошлое оставляет свой след, оно-то и определяет очарование этого театра, — говорит Рикардо Мути, выдающийся дирижер и му-

зыкальный директор «Ла Скала», который 7 декабря 1986 года не случайно выбрал для своего дебюта «Набукко». Десять лет спустя он опять обратился к этому произведению Верди и имел шумный успех. Весомость прошлого словно ложится на его плечи, когда гаснет свет, и он встает за дирижерский пульт. Легенда живет. Ее влияние ощущает и Роберто Габьяни, руководитель прославленного хора «Ла Скала». Он утверждает, что лица его 106 исполнителей начинают светиться, когда они запевают хор пленников из «Набукко». «Каждый из них превращается в частицу истории «Ла Скала», — говорит Габьяни.

Какой любитель музыки не хотел бы приобщиться к жизни знаменитого театра! Хотя бы просто поддержать занавес, как Джермано Стракка, правда, последний с удовольствием стоял бы по другую, сверкающую его сторону в ярком свете рампы. С семи лет он учился играть на рояле, в 18 начал брать уроки пения. Четыре года учился в консерватории, но не закончил ее. С тех пор берет частные уроки. Поет арии из опер Моцарта и Россини. Сейчас ему уже 30 лет. Владелец баса, он хотел бы занять место на сцене, хотя бы в хоре. Принимать участие в конкурсах, показать, на что он способен, найти себе агента. «Я уже близок к нужному уровню, — говорит он. — Но надо добиться большего совершенства».

Однако какое счастье, что шесть лет назад он получил работу в театре и может быть рядом с занавесом с сентября по июль! Он стоит у края сцены, присутствует на всех представлениях и репетициях. Слушает, учится и надеется, что придет день — и он сам ступит на подмостки, ведущие к успеху. Музыка — это небесная сила, которая движет людьми, и «Ла Скала» — ее эпицентр.

Служителями храма, где обитают музы, считают себя практически все студенты (а их более ста), работают здесь капельдинерами, гардеробщиками и билетерами. По старинному обычаю, они одеты во фраки, на их шеях висят тяжелые медали. Свои музыкальные страсти им приходится сдерживать, у них есть строгое указание не заводить с посетителями споры на тему искусства.

Тот, кто здесь трудится, ищет работу только в «Ла Скала». Когда в 1990 году молодой режиссер Андреа Вальони заключил на два месяца договор на работу здесь, он был вне себя от счастья. С этих пор он — заведующий производством. Сидит в тесной комнате перед телефоном, набором табачных трубок и большой тетрадкой, которую называет своей «Библией», куда артисты записывают, кто, когда и в каком помещении должен репетировать. Ежедневно заведующий производством должен опрашивать солистов о состоянии их голоса и самочувствии и сообщать им срок очередной репетиции. Его рабочий день долог. Семь раз в неделю он приходит в это богатое традициями здание, которое внешне выглядит, как дом зажиточного буржуа, с богатыми ставнями и тяжелыми дверями. Иногда он навещает сюда даже в свободные часы, чтобы только одним глазком взглянуть на репетицию. Вальони доставляет удовольствие одна лишь мысль, что он участвует в работе живой легенды под названием «Ла Скала».

Однако престиж недолго растерять. «Необходимость удерживать высокий уровень заставляет на-

прягать все силы, вынуждает добиваться совершенства, — говорит композитор Паоло Арка. — В «Ла Скала» делать это тяжелее всего». Но при этом свою нелегкую ношу он явно несет с удовольствием, все компенсирует сознание того, что он работает именно здесь. Арка — заместитель художественного директора, один из тех могущественных богов на музыкальном Олимпе, которые в мгновение ока могут разрушить мечты о карьере или поднять артиста на седьмое небо.

Мария Каллас в «Травиате». 1958 год.

Вместе с Рикардо Мути он ищет голоса, которые должны звучать в «Ла Скала».

Его рабочие инструменты — факс, телефон и фортепиано. Его мечта — открыть новую Марию Каллас. Ему то и дело звонят певицы и певцы, которые хотят, чтобы их прослушали. На 22 места в зна-

менитом хоре претендовали 200 кандидатов.

Опера не знает границ. Музыка — часть любой культуры. По всему миру сыщется немало хороших солистов и дирижеров. Но в этом артистическом космосе «Ла Скала» остается единственной в своем роде. Можно ли считать ее первым оперным театром Земли? А как же театры в Вене, Париже, Нью-Йорке? Заведующая отделом прессы Паола Кальветти категорично заявляет: «Извините за высокомерие, но мы вне конкуренции. Ведь «Ла Скала» — «производственный» театр. Он ставит спектакль, играет его примерно раз десять, а потом редко возвращается к этой постановке. Далее идет следующая «продукция». Здесь нет постоянных солистов. Не меняются лишь хор, оркестр и балет. В других местах в репертуаре долгое время находятся одни и те же оперы. «Ла Скала» выпускает больше спектаклей, работает интенсивнее других театров. Споры нет, в Париже самый хороший балет. Но где еще есть такой музыкальный директор, как Рикардо Мути?»

Дух маэстро витает во всех помещениях здания. В музее «Ла Скала» к десятилетию работы Мути за дирижерским пультом сделана специальная фотовыставка. «Он — чудо, с ним не сравнимы никакие другие боги музыкального Олимпа. Благодаря ему уровень оркестра в театре так сильно вырос. Работать с Мути, — говорят артисты, — не просто, но прекрасно». Джермано Стракка знает: на сцене есть «точка Карузо» и «точка Каллас» — места, откуда голос слышен особенно хорошо, и куда подтягиваются все певцы. Но есть и «плохая точка». Когда туда заносит исполнителя, Мути обычно быстро «прогоняет» его прочь. В отделанном под слоновью кость и украшенном золотым орнаментом помещении так много красных ковров и бархатной обивки, что некоторые звуки оркестра просто тонут в них. «Дерево было бы куда лучше», — говорит скрипач Джанлука Скандола.

«Ла Скала» — здание старое, тесное, со множеством закоулков и тупиков. Не все смогут найти дорогу на верхний этаж, где расположен цех портных, которые за большими столами корпят над костюмами для очередной постановки. Или к сапожникам, братьям Папалардо, которые во время спектакля сидят за кулисами на тот случай, если на сцене вдруг оторвется один из 250 каблучков. Внизу тоже

скрываются «чудеса». Например, безнадежно устаревшие механизмы, которые поднимают и опускают площадки. Ими с помощью рычагов и вращающихся рукояток управляют Ренцо Ариенти и 15 его помощников. Рабочие сцены шутят и разговаривают, в то время как с подмостков над их головами сквозь щели доносится пение сопрано. На «Лебедином озере» надо было с помощью сухого льда пустить туман. Но белая пелена неожиданно окутала и оркестр. В публике раздалась смехотворная реакция. Тем не менее этот случай показал, что добрую половину старой сцены пора перестраивать, а тут уже не до смеха.

Миланскому оперному театру и в самом деле требуется полная реконструкция. В конце 1998 года он будет закрыт. Временно «Ла Скала» станет давать спектакли в новом концертном зале на окраине города. А 7 декабря 2000 года, в канун столетия со дня смерти Джузеппе Верди (композитор умер 27 января 1901 года), театр представит в новом блеске, оснащенный самой современной техникой.

Норковые шляпки, фраки, драгоценности, фотовспышки, премьер-министр, промышленный магнат, маркиз — все это тоже «Ла Скала». В иные годы перед зданием театра устраивали демонстрации протеста студенты и рабочие. Порой внутри служащие налоговой полиции на глаз производили оценку бриллиантов. Наиболее прославленные законодатели мод Милана любят, когда известные дамы носят их произведения, которые лишней раз могут мелькнуть на газетных страницах.

Каждый год в день открытия сезона в честь артистов после спектакля устраивается торжественный прием. В минувшем году его во дворце Клеричи давал дизайнер одежды Джанни Версаче. Джермано Стракка не пригласили. После того как в последний раз опустился занавес, он снял белые перчатки и черную пажескую униформу и пошел домой к жене. «Для меня, — говорит он, — это такой же рабочий вечер, как любой другой».

Так может говорить только тот, кто всегда на сцене. И все-таки — в трех шагах от блеска и славы.